

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

В.Е. Козляков

Столетие окончания Первой мировой войны активизировало научные изыскания по поводу этого эпохального события, знаменовавшего революциями, распадом империй, социальными катаклизмами и потрясениями. Но главное заключается в том, чтобы осмыслить уроки войны, поскольку механизм запуска мировых и локальных конфликтов отнюдь не исчез, о чем свидетельствуют события, происходящие на Ближнем Востоке, в других горячих точках планеты и, к сожалению, у нашей соседки Украины. Сегодня очень важно, чтобы местные внутренние конфликты не переросли в очередную масштабную катастрофу. Возможности предотвращения новой мировой войны связаны во многом с позициями различных общественных сил, политических партий, состоянием гражданского общества, умением договариваться субъектов по спорным вопросам. Вот почему изучение позиций политических партий России, Беларуси, Украины в годы Первой мировой войны и на этапе ее завершения представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Безусловно, начавшаяся Первая мировая война потрясла все тогдашнее российское общество. Каждая политическая партия, общественное объединение должны были высказать свое отношение к войне, определить свою позицию. Правительственные круги и стоявшие за ними политические силы, прежде всего правомонархического толка (Союз русского народа, октябристы), заняли патриотическую нишу «защиты Царя и Отечества». Однако отдельные деятели консервативного и либерального лагерей отдавали себе отчет в том, что новая неудачная война (а на удачу в большой войне после печального опыта 1904 – 1905 гг. на Дальнем Востоке в конфликте с Японией рассчитывать было трудно) чревата для России новой революцией. Это понимали многие политики, как государственные высокопоставленные особы, так и деятели умеренного либерально-оппозиционного толка.

Особого внимания заслуживает позиция П. А. Столыпина. Незадолго до своей трагической гибели, летом 1911 г. он писал министру иностранных А. П. Извольскому, что России нужен мир для проведения реформ, которые с каждым годом будут укреплять страну, создавать благоприятный климат, необходимый для общенационального отпора врагу. И наоборот, преждевременная, легкомысленно затеянная война, если ее цели будут непонятны народу, «станет роковой для России и для династии» [1, с. 238].

Страх перед революцией заставлял держать в узде свои внешние политические амбиции и лидеров Партии конституционных демократов (кадетов). Они выступали за помощь России славянским народам Балканского полуострова, мечтали о проливах и вообще стояли за укрепление российской великодержавности, но категорически возражали против безрассудного втягивания страны в рискованные военные авантюры.

Тем не менее, с началом войны кадеты солидаризировались с правыми монархистами и поддержали правительство. Лидер кадетов П. Н. Милюков прямо заявил на заседании Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 г.: «В этой борьбе мы все заодно, мы не ставим условия и требования правительству, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника» [2, с. 131].

Значительная часть трудовых масс России перед лицом германской агрессии готова была отложить на время выяснение своих отношений с властью и имущими классами. Вместе с тем можно смело утверждать, что летом 1914 г. в России не было того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе. Здесь не было сильной ненависти ко всему немецкому и тем более к захвату германских территорий. Тем не менее, на территории Беларуси уже в первые дни войны стали формироваться «дружины государственного ополчения» [3, с. 19–24]. Преобладавшее в массах настроение хорошо передавали две родившиеся в народной среде формулы: «Ежели немец прет, то как же не

защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим». Известный белорусский писатель М. Гарецкий, участник военных действий в Восточной Пруссии, в знаменитом очерке «На империалистической войне» еще более образно передал слова командира батареи: «Мы первыми не начнем, но если Германия полезет, мы разобьем ей морду в квас».

Других позиций придерживались оппозиционные партии социалистической ориентации. Большая часть меньшевиков поддержала так называемую «патриотическую» позицию. «Патриотом» выступил Г. В. Плеханов, утверждавший, что «войну ведет не правительство, а народ, борющийся за независимость России». Он считал, что сотрудничество со странами Антанты создает более благоприятные условия для «европеизации» России, а поражение в войне с Германией, напротив, замедлит ее экономическое развитие, и тем самым повредит «делу народной свободы».

Среди меньшевиков, стоявших на интернационалистских позициях, сформировались два течения – центристское и циммервальдское. Центристы, представлявшую думскую фракцию РСДРП, обвиняли в развязывании войны господствовавшие круги всех стран. Они требовали демократического мира без аннексий и контрибуций и смыкались в этом с циммервальдистами. Центристы воздерживались от призывов к началу массового антивоенного движения. Революционная борьба, считали они, станет возможной лишь после окончания войны. Поддерживая решения Циммервальдской конференции, левые меньшевики-интернационалисты осуждали тактику и аргументы оборонцев, считали необходимой борьбу за мир. Они призывали рабочих к массовым организованным революционным выступлениям [4, с. 357].

Неоднозначными были и позиции социалистов-революционеров. Две точки зрения по характеру войны нашли отражение в декларациях, обнародованных делегациями эсеров на конференции социалистов стран Антанты, состоявшейся в феврале 1915 г. в Лондоне. В. Чернов и М. Натансон придерживались той точки зрения, которую в целом можно охарактеризовать как «интернационалистскую». Декларация В. Чернова и М. Натансона отвергала «всякую идеализацию роли собственной буржуазии, собственного правительства» и провозглашала «противодействие шовинистическим течениям в собственной стране», отстаивала «лозунг мира без территориальных захватов, без расчленения и унижения побежденной страны, без контрибуций». Эта группа неонародников рассчитывала на то, что «миссия социализма во всех странах будет состоять в том, чтобы вызвать народное движение, чтобы продемонстрировать современным правительствам волю рабочей демократии или заменить их другими».

Противоположную точку зрения отстаивали И. Рубанович и А. Кубов, представившие декларацию «от имени половины делегации с.-р.». В документе отмечалось, что победа Германии и Австрии, упрочив господство их монархий, дала бы сильную опору царизму в его борьбе с русской демократией, а победа Франции и Англии «укрепит передовые европейские демократии и создаст более благоприятные условия для разрешения национальных вопросов». «Участие России, – говорилось в документе, – является необходимым условием и для победы союзников над Германией, а эта победа будет способствовать росту русской демократии» [5, л. 9–11]. По сути, эта группа социалистов-революционеров занимала социал-патриотические позиции, которые в то время были преобладающими в партии.

Более радикальную позицию занимали большевики. Они решительно осудили начавшуюся империалистическую войну. В. И. Ленин выдвинул лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», поскольку этот лозунг «есть единственно правильный лозунг..., вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами». Кроме того, «с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства» [6, с. 21–22]. Подобная позиция вызвала дружное негодование со стороны других политических партий и обвинения в адрес В. И. Ленина, большевиков в «предательстве» и даже измене

«национальным интересам» России. Такие злопыхательства звучали и тогда, в условиях начавшейся Первой мировой войны, и не прекращаются по сей день со стороны представителей современного российского либерализма, делающих экскурс в историю.

Однако подобные обвинения в адрес большевиков абсолютно беспочвенны. Дело в том, что революционеры никогда не скрывали, что постараются использовать созданную войной кризисную ситуацию в своих собственных целях и покончить с капитализмом. Об этом не раз предупреждали, довольно точно прогнозируя революционные потрясения в Европе и во всем мире, Ф. Энгельс, К. Каутский, Л. Троцкий и другие революционные деятели. Весьма радикальным было и решение Штутгартского (1907 г.) конгресса Интернационала, подтвержденного затем конгрессами в 1910 г. в Копенгагене и в 1912 г. в Базеле. Согласно этим решениям в случае войны социалисты всех стран должны были принять все зависящие от них меры, чтобы использовать созданную ею критическую ситуацию для ускорения падения капиталистического строя революционным путем. Другое дело, что в условиях начавшейся мировой войны подавляющая часть лидеров западной социал-демократии от подобных резолюций отказались. При этом лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую» отнюдь не означало организацию саботажа, диверсий, отказ от службы в армии и т. д. Речь шла только об отказе в мерах поддержки правительству (голосование за военные кредиты и др.). В. И. Ленин подчеркивал, чтобы «социалисты всех воюющих стран выступили с пожеланиями поражения всем «своим» правительствам». «Именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего» [7, с. 327], - писал В. И. Ленин.

Не лишним будет заметить, что «пораженчество» в России появилось еще до возникновения большевизма. Во время Крымской войны 1853–1856 гг., а в 1904–1905 гг. «пораженческие» взгляды нередко высказывались в либеральных кругах России. Однако во весь рост эта проблема встала лишь в период начавшейся Первой мировой войны, когда В.И. Ленин призвал большевиков «содействовать» поражению царизма в столкновению с Германией. Вполне допустимо предположить, что лидер большевиков считал возможным использовать одних империалистов для борьбы с другими империалистами. Интернационализм В. И. Ленина и его ставка на мировую революцию отнюдь не исключали искреннего и глубокого патриотизма большевиков, ненавидевших царизм, но не мысливших себя без России, чего не скажешь о некоторых современных демократах. «Мы полны чувства национальной гордости, и именно потому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее», - писал В. И. Ленин, призывая бороться против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины. Лидер большевиков полагал, что «нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии» [8, с. 108–109]. Такая правомерность и классовая логичность позиции В. И. Ленина была подтверждена дальнейшими событиями.

Совершенно другой смысл вкладывали в «пораженчество» России некоторые украинские деятели, кормившиеся подачками у Германии и Австро-Венгрии. С целью оказания поддержки Германии и Австро-Венгрии в войне против России некоторые украинские эмигранты 4 августа 1914 г. создали «Союз освобождения Украины» («СОУ»). Эти украинские деятели обратились 25 августа 1914 г. с листовкой на немецком языке «к общественному мнению Европы», в которой ратовали за «освобождение Украины». Россия изображалась ответственной за «мировую катастрофу, какой история еще не знала». Протаскивая версию о том, что Украина всегда была врагом России в своих «освободительных стремлениях», они искали помощи у Запада, особенно у немцев. Окончательное поражение России, по мнению указанных украинских деятелей, предоставляло вполне реальный шанс для национального самоопределения Украины в полном объеме.

Вскоре «СОУ» получил от Австро-Венгрии субсидии в размере 100 тыс. австрийских крон для проведения агентурных действий против России. Однако к концу 1914 г. отношения между австрийскими властями и «СОУ» охладели. Во-первых, «СОУ» не смог организовать обещанное сопротивление населения Галиции царской армии. Во-вторых, стали известны факты «нецелевого использования «Союзом» выделенных финансовых средств» [9]. Австрийцы, убедившись в бесполезности предпринятых попыток поднять восстание в тылу царской армии, в конце 1914 г. почти полностью прекратили финансирование этой организации. Не имея собственных средств, инициаторы создания «СОУ» решили взять «государственный заем» у союзника (т. е. Германии), который, по их мнению, «должен быть возвращен будущим украинским государством» [10, с. 70–71].

Известно, что члены «СОУ» предлагали финансирование и совместную деятельность против российского правительства другим организациям российских политэмигрантов – В. И. Ленину и грузинским социалистам. В. И. Ленин решительно отверг подобные предложения и выступил против попыток извращения в немецких газетах его позиции о войне. В письме в редакции газет «Vorwärts» и Wiener «Arbeiter-Zeitung» в ноябре 1914 г. он с возмущением писал, что «заметка создает впечатление, как будто бы я ограничился полемикой против царизма». В действительности В. И. Ленин, будучи убежденным, что «долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины». «Но смысл моих рассуждений, – писал далее В. И. Ленин, – совершенно извращается. Если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии» [11]. Позже, критикуя позицию украинских националистов, В. И. Ленин отмечал ту группу украинских деятелей, сознавших близость с «Социал-Демократом» и сумевших «отгородиться от пресловутого «Союза освобождения Украины», деятельность которого ничего общего не имеет с социал-демократией» [12].

Вот почему «пораженчество» В. И. Ленина не сводится к организации саботажа, диверсий, террористических актов или с «распродажей» территории своей страны западным державам в обмен на финансовую помощь в борьбе с самодержавным режимом. Кроме того, не стоит забывать, что у «немецкого золота» было несколько реальных адресатов – украинские националисты, грузинские социалисты-федералисты. А эффективность его использования в такой стране как Россия была крайне низкой. Не исключено также, что немецкий «посредник» Парвус, никогда не отличавшийся большой щепетильностью, часть выделенных средств по «революционизированию» России присвоил себе.

Тем не менее мифы о «финансировании большевиков» германскими империалистами продолжают усиленно тиражироваться в современной России. Вот как В. Хотиненков, режиссер фильма «Демон революции», обосновывал мифический эпизод встречи Ленина с Парвусом: «Я опирался на знаменитое описание встречи этих двух выходцев из России . данное писателем А. Солженицыным в эпосе «Красное колесо». Хотя это описание носит вымышленный характер, но написано потрясающе, что дает немалую пищу для размышлений» [13]. «Потрясающая» ложь дает право некоторым современным деятелям навязывать многомиллионной армии зрителей субъективные суждения, не очень считаясь с реальными фактами.

Несколько другие позиции были характерны для белорусского национального движения. В 1915 г. братья Луцкевичи из остатков кружков Белорусской социалистической громады в Вильно создали Белорусскую социал-демократическую рабочую группу (БСДРГ). После того как канцлер Германии Бетман-Гольвег заявил о том, что «освобожденные от России земли не вернуться назад под московское иго», БСДРГ вместе с литовскими, польскими и еврейскими организациями развернули активные действия по осуществлению национально-государственного самоопределения. Для достижения указанных целей была провозглашена «Конфедерация

Великого княжества Литовского», куда вошли представители некоторых местных демократических организаций. Однако она просуществовала недолго, поскольку между поляками, литовцами и белорусами выявились серьезные расхождения. Поначалу немцы не были заинтересованы в какой-либо местной форме государственности. Однако позже, в 1917 г. они разрешили создать Литовскую Тарибу в качестве Верховного органа Литвы, под начало которого была включена и часть белорусских земель, находившаяся под немецкой оккупацией.

После того как фельдмаршал Гинденбург в начале 1916 г. в своем приказе о школах в оккупированном крае объявил о равноправии белорусского языка с другими языками края – польским, литовским и еврейским, среди белорусских деятелей загорелась вера и появились большие надежды, что немцы придут на помощь возрождению белорусской культуры, распространению белорусской идеи. Белорусские деятели, несмотря на тяжелые экономические условия и помехи со стороны польских помещиков и ксендзов, открывают белорусские школы и культурно-просветительские организации [14, с. 75–76]. Но о какой-то «белорусской государственности» немцы и слышать не хотели.

Февральская революция, свержение самодержавия оживили деятельность политических партий, находившихся ранее в оппозиции. Теперь главной правящей партией стали кадеты. Партия «народной свободы» высказалась за продолжение войны с помощью союзников, поскольку Россия входила в одну группу государств, связанных между собой интересами буржуазных стремлений. Кроме того, изыскания кадетских экономистов сводились к тому, что Россия после такой разрушительной войны сама, собственными силами быстро на ноги не поднимется, для этого необходимы будут иностранные займы. Но их можно получить только в том случае, если Россия будет выполнять свои союзнические обязательства перед другими странами Антанты [15, с. 73–74]. Нельзя не учитывать и тот факт, что кадеты имели тесные связи с теми предпринимателями, которые получали значительную прибыль от военных заказов. Не случайно именно кадеты были вдохновителями проведения в стране «займа свободы». Но они не учитывали главного – роста антивоенных настроений в России.

Понимая, что война вызывает серьезное недовольство в стране, эсеры, меньшевики, бундовцы старались удержаться на позициях «революционного оборончества». «Война уже окончена 27 февраля, - уверяли эсеры делегатов I съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта. – Теперь вы только борцы за свою независимость и свободу» [16]. Эсеровская газета «Голос Полесья» призывала: «Солдаты – в окопы, рабочие – к станкам! Мы теперь боремся не за предателя самодержца, а за нашу свободную Россию» [17]. Но чтобы добиться «почетного, демократического мира», утверждали социалисты-революционеры и меньшевики, необходимо «вести активные военные операции». Это означало, что характер войны не изменился, она продолжалась в интересах сильных мира сего.

Революция способствовала развитию белорусского национального движения. Была восстановлена деятельность Белорусской социалистической громады, возникали другие белорусские партии. Теперь белорусские деятели не рисковали придерживаться прогерманской ориентации, а оглядывались на Временное правительство, были уже на стороне Антанты. Однако белорусские организации все же надеялись, что Временное правительство предоставит автономию Беларуси в рамках Российской федеративной демократической республики. Немало было заклинаний и заверений о безусловных связях Беларуси с Россией. Но Временное правительство игнорировало даже куцые просьбы белорусских деятелей. Война продолжалась, решение аграрного вопроса оттягивалось на неопределенный срок. К осени 1917 г. белорусское национальное движение раскололось на два течения: либеральное и революционно-демократическое. Если белорусские либералы по-прежнему поддерживали Временное правительство, то белорусские левые выступали за созыв Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, все чаще

поддерживали большевиков и левых социалистов-революционеров. Безусловно, революционизирующее воздействие на Беларусь оказывали солдаты Западного фронта.

Более сложные процессы происходили в украинском национальном движении. «Союз освобождения Украины» влачил жалкое существование, не пользовался авторитетом и вскоре в мае 1918 г. заявил о самороспуске. Теперь, весной 1917 г., политическую жизнь в Украине определяли партии социалистического толка. Особую активность проявляла Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР). На I Учредительном съезде (4.05.1917) украинские эсеры официально оформились в единую партию, а на 2-м съезде УПСР, в июле 1917 г., были приняты программа и устав партии. В основу программы были положены основные положения программы общероссийской партии с.-р. УПСР поддерживала политику Временного правительства, а в вопросах войны занимала позиции «революционного оборончества», ориентируясь все же на страны Антанты [18, с. 640]. УПСР выступала все же за Российскую федеративную демократическую республику с предоставлением прав автономии народам России, прежде всего, Украине, а вопросы войны и мира решались бы во Всероссийской думе [19, с. 6, 9].

По инициативе УПСР и Центральной Украинской Рады в сентябре 1917 г. был проведен в Киеве так называемый «Съезд народов России», в котором приняли участие представители национальных партий социал-демократического и неонароднического толка. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «для спасения государства от грозящей ему катастрофы необходимо немедленно перестроить его на совершенно новых основаниях, исключающих возможность централизации». Выход из создавшейся ситуации съезд видел в том, что Россия должна быть «Федеративно-Демократической Республикой». Делегаты были уверены, что центральная власть может пользоваться доверием населения только при федеративном строе [20, с. 4–5]. Однако подобные призывы реальных успехов не принесли.

Что касается большевиков, то они сняли лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», хотя и заявляли, что ее характер не изменился. «Мы пока отказываемся от этого лозунга, - говорил В. И. Ленин на VII Всероссийской (Апрельской) конференции большевиков. – Оружие сейчас в руках солдат, рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войну, мы проповедуем мирно» [21, с. 73]. Нужно убедить массы, подчеркивал В. И. Ленин, что кончить войну демократическим миром без аннексий и контрибуций нельзя без свержения власти капитала. Только свергнув эксплуататоров, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны. Важным тактическим средством партия считала организацию братания солдат воевавших сторон. Не везде эти братания удалось организовать. Однако антивоенные лозунги большевиков, углубление социально-экономического кризиса способствовали усилению левых тенденций в партиях с.-р. и меньшевиков.

Например, лидер левых социалистов-революционеров М. Спиридонова в августе 1917 г., критикуя социалистов-оборонцев, отмечала, что «продолжение войны в тех условиях, что были созданы волей Николая II и правящих классов, – это продолжение укрепления позиций буржуазии, как русской, так и западноевропейской» [22, с. 54]. Выход из создавшегося положения левые эсеры видели в переходе власти в руки Советов.

Требования прекращения войны охватывали разные слои российского общества. Поэтому не случайно первым декретом советской власти стал написанный В. И. Лениным Декрет о мире. Этот документ обращался с призывом не только к правительствам, но и к народам воевавших государств заключить всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций.

Предложения большевиков заключить мир без территориальных претензий не могли вызвать поддержку правивших кругов воевавших стран запада. Это означало бы отказ от целей сторон, которые привели к началу войны, а согласие с большевистскими предложениями было бы равнозначно признанию бессмысленности тягот и жертв 1914 – 1917 гг. Кроме того, воевавшие между собой коалиции рассчитывали на успех в 1918 г.

Важное место в их планах отводилось и России. Державам Антанты было важно сохранить участие России в войне, так как российская армия оттягивала на себя германские силы. Цели истощенной войной на два фронта Германии были противоположными: еще летом 1917 г. она дважды предлагала Временному правительству заключить мир на достаточно почетных для России условиях, хотя имперские немецкие амбиции диктовали захватнические устремления. Но Временное правительство фактически отказалось, не желая ссориться с союзниками по коалиции.

Стремление большевиков усадить за стол переговоров о перемирии представителей всех воевавших держав не увенчались успехом. Государства Антанты игнорировали неоднократные предложения советского правительства, вынужденного начать сепаратные встречи с державами Четверного союза.

История подписания Брестского мира хорошо известна. Однако некоторые детали, причем, весьма существенные, отдельные историки стараются умолчать или игнорировать. Например, 7 ноября 1917 г. Центральная Украинская Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, оговорив, однако, намерение «не отделяться от Российской Республики», помочь ей «стать федерацией равных, свободных народов». Первоначально между Петроградом и Киевом складывались терпимые отношения, которые к началу декабря были испорчены. В Киеве претензии на власть стали предъявлять поддержанные Петроградом Советы. В свою очередь Рада чинила препятствия борьбе советского правительства против восстания Каледина на Дону. В итоге 4 декабря 1917 г. отношения были разорваны, а 11 декабря в Харькове украинские большевики созвали съезд Советов, который «принял на себя всю полноту власти на Украине». Большевики приветствовали новую власть как «подлинное правительство Народной Украинской Республики».

11 января 1918 г. Рада провозгласила Украину независимым государством, а 26 января советские войска вступили в Киев и свергли Центральную Раду. Ее власть была восстановлена через три недели, но сделали это уже германские войска. Вот почему в германском ультиматуме, который была вынуждена принять Советская Россия, были не только территориальные и материальные притязания, но и требования «тотчас заключить мир с Украинской Народной Республикой». Украина и Финляндия, говорилось в документе, «без промедления очищаются от русских войск и Красной гвардии». «Полная демобилизация русских армий, включая и вновь образованные нынешним правительством части, должны быть проведены незамедлительно», диктовал германский ультиматум [23, с. 264]. Несмотря на тяжелые условия мира, Советское правительство предприняло ряд важных мер по созданию и укреплению Красной Армии, защите населения от произвола оккупантов.

В тоже время Германия не собиралась церемониться с Украиной. Более того, 28 апреля 1918 г. германское командование разогнало Центральную Раду и заменило ее правительством гетмана П. П. Скоропадского, который упразднил Украинскую Народную Республику и объявил о создании «Украинской державы» (существовала с 29 апреля до середины ноября 1918 г.). Ноябрьская революция в Германии, усиление оппозиционных настроений в Украине привели к созданию «Украинской Директории», но и ее власть продолжалась недолго.

Не оправдались расчеты на Германию и у белорусских национальных деятелей. После провозглашения независимости Белорусской Народной Республики 25 марта 1918 г. ее лидеры обратились с меморандумом к канцлеру Германии, чтобы Брестский договор был пересмотрен [24, л. 12]. Но ни положительного ответа, ни каких-либо обещаний не получили. Не прошли и другие просьбы Рады БНР. Более того, немецкая кандидатура немецких властей 19 апреля 1918 г. прислала ответ на просьбу ее представителей, касающийся «урегулирования дел местного населения». Оккупанты жестко напомнили, что «власть в занятой немецкими властями области принадлежит немецкому командованию» [25, л. 6].

Прогерманская ориентация некоторых белорусских деятелей, о чем свидетельствовала известная телеграмма кайзеру от 25 апреля 1918 г. политический кризис, партийные

разногласия привели к расколу Белорусской социалистической громады, выходу левых ее приверженцев из Рады. Начавшаяся Ноябрьская революция в Германии способствовала аннулированию Брестского мира и вынудила деятелей БНР покинуть территорию Беларуси.

Таким образом, Первая мировая война стала серьезным испытанием для политических партий России, Беларуси и Украины. Ориентация их политических деятелей на ту или другую западную коалицию не дали ощутимых результатов. Соперничавшие блоки не считались с интересами России. Эффективную стратегию и гибкую тактику с учетом национальных интересов продемонстрировали только большевики. В условиях военного противостояния они завоевали и укрепили свою власть, выстояли в период военной интервенции и гражданской войны и приступили к строительству нового общества. Судьбы других политических партий сложились по-разному. Но совокупный партийный опыт должен служить важным уроком современным политикам.

1. Тютюкин, С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России. (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. Отв. Ред. В. Л. Мальков. – М.: Наука, 1999. – С. 236–249.
2. Шелохаев, В. В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994. – С. 127–140.
3. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне. 1914 – 1918 гг. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 415 с.
4. Волобуев О., Клоков В. Большевики // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 335–361.
5. Российский государственный архив социально-политических исследований. – Ф. 274. Оп. 1. Д. 2.
6. Ленин, В. И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973. – С. 13–23.
7. Ленин, В. И. Социализм и война. Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат. 1973. – С. 307–350.
8. Ленин, В. И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат. 1973. – С. 106–110.
9. Союз освобождения Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia>. – Дата доступа: 28.09.2018.
10. Назарук, Ю. С. Союз освобождения Украины в 1914–1915 гг.: политические устремления и основные направления работы в Австро-Венгрии // Клио. Журнал для ученых. – 2005. – № 1(28). – С. 69–71.
11. Ленин, В. И. В редакции газет «Vorwärts» и Wiener «Arbeiter-Zeitung» // Полн. собр. соч. Т. 49. – М.: Политиздат, 1975. – С. 25.
12. Ленин, В. И. Примечание «От редакции» к статье «Украина и война» // Полн. СОБР. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973. – С. 130.
13. Лихачев, Д. «Детская ложь» под революционный джаз. Режиссер Владимир Хотиненков о новой работе // Литературная газета. – 2017. – № 45 (6620), 25–21 ноября – С. 15.
14. Козляков, В. Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. (начало XX в. – конец 20-х гг. На материалах России, Беларуси, Украины). – Минск: БГТУ, 2001. – 246 с.
15. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть I. Политические партии России. – Гомель: Белорусское агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – 275 с.
16. Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – 12 апреля.
17. Голос Полесья. – 1917. – 20 апреля.
18. Кривенький В., Чмырь С. Украинская партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 639–642.
19. Українська партія соціалістів-революціонерів. Хто такі соціалісті-революціонери і чого вони дамагаються. – Київ. 1917. – 18 с.
20. Протокол съезда представителей народов и областей созданного Украинской Центральной Радой. 9 сентября 1917 г. – Киев, 1917. – 21 с.
21. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. – М.: Политиздат, 1958. – 434 с.
22. Спиридонова М. О задачах революции. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.
23. Мирные переговоры в Брест-Литовске. С 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Том 1. – М.: Из-во Народного Комиссариата Иностраных Дел, 1920. – 270 с.
24. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 21.
25. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 60. Оп. 3. Д. 757.